

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная деятельность Императорской археологической комиссии (1859–1917 гг.) является одной из важных страниц в изучении древностей Боспора Киммерийского. Продолжая традиции предшественников, руководство Комиссии, прежде всего С.Г. Строганов, сделало очень многое для систематизации археологических раскопок, для обозначения их главных приоритетов. Большое значение имело также введение правил, направленных на упорядочение полевой документации. Не всё на этом пути проходило гладко, но в большом деле всегда имеются те или иные издержки. Негативные явления в работе Комиссии отчётливо проявились в то время, когда во главе её стоял А.А. Васильчиков (1882–1886 гг.), но они были в целом ликвидированы при А.А. Бобринском. Однако и этот энергичный руководитель не сумел добиться значительного расширения штатов Археологической комиссии, что тормозило развитие исследований, в том числе и на Боспоре.

Выше неоднократно отмечалось, что изучение боспорских древностей могло нормально развиваться лишь при чётком взаимодействии Археологической комиссии и входившего в её структуру Керченского музея древностей. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что главная нагрузка ежегодных, весьма масштабных раскопок на обоих берегах Керченского пролива ложилась именно на директоров музея: А.Е. Люценко, С.И. Веребрюсова, Ф.И. Гросса, К.Е. Думберга, В.В. Шкорпила. Появление на Боспоре петербургских сотрудников Комиссии (И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков) или киевского профессора Ю.А. Кулаковского, как представляется, воспринималось ими с известной долей ревности. К тому же керченские археологи в ущерб своим планам должны были помогать приезжим специалистам в снятии планов, зарисовках древних гробниц, копировании росписей склепов и т.п. Такое взаимодействие, естественно, не всегда протекало гладко.

Непонимание между петербургским руководством Комиссии и сотрудниками Керченского музея возникло уже в первый год работы Комиссии, но оно, в принципе, достаточно быстро было ликвидировано. К сожалению, со скандалом был связан уход на пенсию Ф.И. Гросса (1891 г.), ещё более серьёзный конфликт стал причиной преждевременной отставки К.Е. Думберга (1901 г.).

Обозначенные факты ни в коем случае нельзя упускать из внимания, но они всё-таки не свидетельствуют о том, что взаимодействие Комиссии и музея носило конфликтный характер. Напротив, оно в целом было позитивным, стимулирующим проведение раскопок на Боспоре в том направлении, которое тогда казалось необходимым и единственно правильным.

Это время было ознаменовано целым рядом ценнейших археологических открытий. Споры нет, что практически все эти открытия были связаны с раскопками боспорских курганов, но без них невозможно представить современную науку. Среди таких памятников следует назвать некрополь Юз-Оба, Большую и Малую Близницы, Семибратние курганы, курган Баксы, Ахтанизовский, Зеленской, Артюховский и пр. Не вина исследователей прошлых лет, что практически все названные памятники, за исключением последнего из названных [Максимова, 1979], до настоящего времени полностью не изучены и не опубликованы.

Раскопки городищ осуществлялись в основном с целью поисков древних «мраморов» или эпиграфических документов. На общем фоне, безусловно, выделяется попытка К.Е. Думберга начать более-менее систематическое изучение Пантикапея, но она не нашла развития. В.В. Шкорпил рискнул найти пантикапейский театр, но, убедившись в бесплодности своих усилий, охладел к раскопкам подобных памятников. Удивительно, но ни один из исследователей Боспора даже на рубеже веков не предложил программы раскопок Пантикапея или Фанагории широкими площадями, с послойной фиксацией находок, нацеливая их на получение конкретных исторических результатов, что было с успехом реализовано Б.В. Фармаковским в Ольвии [см.: Блаватский, 1967, с. 70-76; Карасёв, 1976, с. 19; Виноградов, Мусин, 2009, с. 515]. Трудно поверить, что о прогрессивности этой методики они вообще ничего не слышали.

Революционные потрясения 1917 г. привели к радикальным политическим и социальным переменам в стране. Российская государственная археологическая комиссия, пришедшая на смену комиссии Императорской, тем не менее, продолжала действовать в старом, можно сказать, привычном русле. Кардинальные перемены в организации археологической науки, выразившиеся в расширении штата сотрудников, создании ряда структурных подразделений, постановке новых задач перед исследователями, были связаны с созданием Российской академии истории материальной культуры. Изучение древностей Боспора Киммерийского в её стенах, правда, сначала не было никак обозначено, как будто затерялось среди других неотложных задач [Виноградов, 2009б, с. 9 сл.]. Правда, вскоре время внесло в эту ситуацию свои важные коррективы.

В советское время деятельность Императорской археологической комиссии было принято оценивать достаточно критично, акцентируя внимание на

имевшихся недостатках. К.М. Пескарёва и Е.Я. Рябинин, в частности, писали по этому вопросу: «Археологическая комиссия, работавшая в условиях самодержавного строя в России, постоянно сталкивалась с большими, зачастую непреодолимыми трудностями. Нередко её деятельность оказывалась в прямой зависимости от личных отношений к этому царского окружения и правительственных учреждений» [Пескова, Рябинин, 1984, с. 305-306]. Всё это, конечно, имело место, но и в советское время обозначенное положение отнюдь не изменилось, а если и изменилось, то в сторону усиления государственного и идеологического диктата. Лишь в наше время, когда археология практически никому не нужна, кроме самих археологов, ситуация стала действительно иной.

